

БАГРОВ С. П.
«ПОРАДУЙСЯ, МАМА!»
Повесть
Вологда: 2003 - 40 с.

Повествует «Порадуйся, мама!» о событиях 45-летней давности, когда писатель был молодым и работал техником экспедиций, проводивших изыскания лесовозных дорог. « Это кусочек моей биографии, - признается Сергей Багров, - и этот кусочек сидит во мне, как корень огромного дерева, чья крона шумит и поныне. Потому и улавливает душа все то, что когда-то происходило, и все то, что когда-то произойдет.

Вологда

2003

ПОРАДУЙСЯ, МАМА!

(ПОВЕСТЬ)

xxx

Подгоняемый мыслью, сразу же, с первого дня дать трассе правильный ход, начальник отряда Сергей Александрович Бутаков изучал по карте лесистую местность. Техники в это время рубили визиры. Им не везло. Натыкались все время на оползни или карсты. Закончив третий бросовый ход, они устало уселись на пни и тут же услышали голос, повелевавший вернуться к теодолиту, за которым стоял Бутаков. Его недовольно-расстроенное лицо, взгляд прищуренных глаз, зеленая куртка с двумя накладными карманами на груди и палец, тыкавший в сторону новой опушки, куда смотрела и зрительная труба, выражали настойчивость человека, с которым спорить нехорошо.

- Еще! - сказал он, едва исполнители выбрались на дорогу.

Лишь на четвертом визире, с которым техники прорубились от лесовозной дороги к реке, Бутаков, перегнав их, решительно топнул ногой, намечая место, где будет стоять нолевой пикет.

- Здесь и закрепим!

Поставив столбик, техники посмотрели на Бутакова, уверенные, что сейчас-то они пошагают в Валуи.

Но Бутаков о поселке не думал. Переставив теодолит, он направил трубу параллельно реке. Подсчитал получившийся угол, сверил с картой и приказал:

- Живо! Живо!

Ничего не сказали техники. Лишь уныло переглянулись,

РА 1344027

отсекая в душе надежду на отдых и, взяв топоры, подались по ольховой речине. Прошли, озираясь на инструмент, и с ходу врубались в глушняк чернолесья.

Бутаков, глядя на техников, усмехнулся: «Сегодня пластаетесь восемь часов. А будете - по двенадцать». И вспомнил, что вечером к ним в барак придут работяги. Он снял с головы берет и размашисто просигналил:

- Домо-ой!

- Кончаем пораньше, - сказал Бутаков, едва исполнители подошли. - Сегодня так. Подготовка. А завтра - уже работа. Одного забираю на трассировку...

На трассировку начальник отряда обычно берет расторопного парня, которого будет натаскивать до конца, передавая ему свой опыт. Такие ребята имеют хорошую перспективу стать через два-три сезона начальниками отрядов. Сергей Александрович именно так и пошел. Сезон проходил старшим техником. Сезон - инженером. Начальником стал он шесть лет назад. С тех пор никаких продвижений. Да он к ним особо и не стремился. Лучше, считал Бутаков, занимать на житейской лестнице ту ступеньку, с которой никто тебя не уронит. Понятно, что эту ступеньку он видел не на визире. Как-никак изысканиям отдал лучшие годы. Теперь настала пора перейти на такую работу, чтобы не знать никаких подчиненных, особо не утомляться и отвечать лишь за то, в чем уверен и компетентен. Подобные должности есть почти в каждой солидной конторе. И в их институте можно найти. Но для этоо надо сперва приглянуться начальнику транспортного отдела, чтобы тот захотел с Бутаковым поговорить. Приглянуться же можно было только хорошей работой. Показать себя бывалым полевиком и 25 километров автомобильной дороги изыскать не в конце, а в разгаре сезона.

Кивком головы Сергей Александрович поднял запарившихся ребят, которые молча лежали на срубленных ветках, бросив на них свои пиджаки.

- Проверьте, как я угол измерил?

Ближе к теодолиту Зимин. Ему бы и начинать. Но он не посмел. Даже маленько смутился, побоявшись не столько неучем, сколько выскочкой оказаться.

- Давай, Игорь, ты! - посмотрел на Витушкина с постной улыбкой.

Игорь направил трубу к лесовозной дороге. Посмотрел сквозь лупу, запомнив градусы и минуты. После снова направил трубу, но уже на линию вешек. Взглянул на прибор и с ленивой небрежностью вычислил угол.

- Сорок пять градусов.

Бутаков кивнул Зимину:

- Теперь ты!

Борис начал топтаться возле треноги. Подсчитывал угол он на бумаге. Когда подсчитал, посмотрел на Витушкина виновато, мол, извини, если можешь, но у меня получилось немного иначе.

- Сорок пять градусов ноль две минуты.

Бутаков вздохнул с облегчением:

- Молодец! - И взглянул на Витушкина с едким укором. - А с тобой не пойму, как и быть. Пикетаж-то хоть сможешь вести?

Витушкин обиделся:

- Что я, совсем уж...

Сергей Александрович вывинтил инструмент. Повернулся к Витушкину.

- Вечером будешь читать «Геодезию» Фельдмана. Чего непонятно - спрашивай у него, - показал на Бориса.

xxx

Вчера, в суматохе и суете, пока сгружали с автобуса таборное хозяйство, искали начальника лесопункта, вели разговор, где жить, с кем работать, и наконец вселялись в барак, с поселком

Валуй они познакомились мимолетно. Зато сейчас, пока шли вдоль заборов по деревянным мосткам, вдыхая запах прелых опилок, могли разглядеть его не спеша.

Был Валуй какой-то разбросанный, пригретые солнышком серые крыши тянулись полого в угол. Щитовые дома, пятистенки с верандой, двухэтажный брусчатый дом. Слева, за мостиком над ручьем - продовольственный магазин, дальше - столовая с палисадом.

В столовой пока никого. Огромный, с подпорными бревнами зал, кот на пороге, высокие окна в решетках, буфет, а за ним с желтой гривой волос, краснолицая молодуха, - все здесь было, как и в любой поселковой столовой. Однако техников это приятно смутило. Они ожидали тут толчею, крики, очередь, беспорядок. И вдруг - тишина и уют. А когда уселись за стол, загрузив его винегретами, щами и гуляшами, то им показалось, будто они находятся дома.

После столовой двинулись было к бараку. Время есть. Почему бы не отдохнуть. Но Бутаков, миновав палисад с кустами и врытую в землю бочку с водой, как ни в чем не бывало, направился дальше.

- А мы? - спросили его ребята.

Бутаков покосился на окна барака.

- Ждите людей. Если придут без меня - принимайте их на работу.

- А вы?

- Я до конторы.

- А как принимать? Ведь мы не умеем.

- Учитесь!

- Они ведь, наверное, спросят...

Бутаков снисходительно улыбнулся:

- Сколько выйет на голову рэ? Больше они ничего не спросят. Обещайте любую цифирь. Но так, чтоб поверили вам. И лучше, - Сергей Александрович выделит пальцем Бориса, - лучше рядись с ними ты!

Ребята зашли в свою комнату, сдернули сапоги и с блаженством упали на раскладушки. Они бы, наверное, вскоре заснули. Но тут широко распахнулась дверь и от ввалившихся в комнату мужиков сделалось тесно.

- Экспедиция здесь? - спросил самый рослый из них, в коричневом свитере и кроссовках, надетых на вязаные носки.

Техники быстренько встали.

- Угадали, - ответил Игорь и спохватился: не ему надлежало вести разговор. Он уселся к столу на брезентовый стул, демонстрируя непричастность, мол, я тут маленький человечек, не мне выслушивать ваши вопросы и, повернув к Борису лицо, подкивнул в его сторону - обращайтесь к нему.

Но мужики Бориса не замечали. Тот привалился к складному столу. Желтыми волосами на голове, курносым лицом и вообще всем своим незначительным видом воспринимался он, как поселковый парнишка, который пришел сюда посмотреть на приехавших горожан.

- На работу? - спросил он у мужиков.

Те по-хозяйски зашевелились. Кто-то нашел себе табуретку. Кто-то уселся на корточки возле порога. А тот, что в свитере и кроссовках, бухнулся смаху на раскладушку.

- Условия?

- Условия неплохие, - ответил Борис.

Сидевший на раскладушке достал сигарету и, прикурив, небрежно спросил:

- По сколько выходит?

Борис угнетенно вздохнул. Сергей Александрович дал наставление принимать людей на работу, обещая любую «цыфирь». Но Борис обещать не решился: с деньгами он дел никогда не имел.

- Не знаю, - сказал он, как жалуясь, - в экспедиции я впервые...

Мужики зароптали. Кто-то из них, вытянув к Игорю палец,

- Ты тоже впервые?

Игорь на голос не повернулся.

- Не важно, - сказал он сквозь зубы. Он, как сидел, прикасаясь клоком волос к переплету окна, так и остался сидеть. Ему показалось, что мужики ведут себя, если не нагло, то агрессивно. Неужели и он когда-нибудь, как они, начнет торговаться из-за зарплаты? Устраиваясь на курсы геодезистов, не соизволил даже спросить: сколько будет он получать? Узнал об этом лишь через месяц. А тут такая нетерпеливость. Еще и к работе не приступили, а уж про заработок скажи. Витушкин отвел глаза от окна и убежденно, словно знал об этом всегда, с мальчишеским гонором выдал:

- У нас, не то что ли в леспромхозе, зарабатывают помногу!

Мужики улыбнулись, почувствовав в Игоре задируху. А здоровяк в толстом свитере встал с раскладушки и недовольным голосом заключил:

- И ты, видать, ничего не пендришь! Зря сюда и пришли!

Витушкин вспыхнул:

- Никто силой вас не тянет! Не хотите - так и не надо!

- Нет, надо! - сказал внушительным голосом Бутаков. Появился он очень кстати. Протиснулся меж расступившихся работяг - плечисто-осадистый, энергичный, с выражением на лице, намекавшем на то, что знает он нечто такое, о чем сейчас и объявит.

- Вы уж не очень-то на него! - кивнул на Игоря. - Молодзелено! Оттого и занос. Сколько вас? - Развернувшись, Сергей Александрович скинул с плеча полевую сумку и пробежал глазами по мужикам: - Три, четыре, пять! Шесть кадров! Около дела! Давай-ко, Борис, записывай всех по порядку: фамилия., год рождения, сколько детей.

- Погоди, начальник! - К Бутакову шагнул низкорослый, с животиком толстячок, одетый в солдатскую гимнастерку. - Послал уже на работу - а может, мы не сойдемся в цене? По

много ли в день у нас будет?

- Вижу: работники вы один к одному! Поэтому не обижу!

Тут сделал шаг к Бутакову и самый внушительный лесоруб.

- А все-таки? - потушив о ладонь сигарету, он усмехнулся, как бы давая понять, что мужик он бывалый и обвести его на кривой не удастся. - Поконкретней? Гарантируешь десять рублей?

Сергей Александрович согласился:

- Я даже думаю: заработаете и больше! Все зависит от вас: как погоните трассу?

- Спать не будем! - заверили мужики.

- А теперь, - Бутаков показал на стол, за которым сидел приготовившийся Зимин.

Первым назвал себя обладатель свитера и кроссовок:

- Подосенов Иван Никонорович. Сорок два года. Трое детей...

Лесорубы еще не успели закрыть за собою дверь, а Сергей Александрович изменился.

- Я что говорил? Рядиться с людьми будешь ты! - сказал Зимину.

Борис, не зная, чем оправдаться, невразумительно пробубнил:

- Я и хотел. Да чего? Они спрашивают про деньги. Откуда я знаю?

- Зато он много знает! - Сергей Александрович перекинул взгляд с Зимина на Витушкина, и лицо его сделалось жестче.

- Кто велел тебе так разговаривать с мужиками? Ведь они бы сейчас ушли. С кем бы тогда мы стали работать?

- Да ладно, Сергей Александрович! Чего теперь волноваться? Будем работать! И Фельдмана будем читать! - Витушкин взял с раскладушки учебник и, развернув его, сделал такое лицо, будто сразу ушел в содержание книги, и лучше в эту минуту ему не мешать.

Утром, придя на трассу, Бутаков в минуту распределил, кому чем заняться. Мужиков поделил по ранжиру: более мелких - Витушкину, более крупных - себе. Забрал с собою и Зимина.

Лес был редкий, с большими прогалами, и лесорубы двигались ходко. Зимин едва успевал вырубать топориком вешки. Подосенов, забыв, что он - младший техник, прокричал ему, как поселковому пареньку:

- Бориско? Где ты там возишься? Вешку втыкай! А то не знаем, где и пазгать!

Борис торопился. Ставил вешку за вешкой, выправляя их, чтоб они продолжали просеку как по нитке.

Видел Зимин, что рубщики валят деревья, не поспешая, однако все получалось у них расторопно. Видел и то, что могли бы работать и лучше, однако не будут.

Борису приятно, что Бутаков оставил его с работягами за себя. Он даже мечтательно улыбнулся, представив себя во главе полевого отряда.

Бутаков, как подслушал его секретные думы. Разомкнув лапничок, захрустел сапогами по срубленным веткам. Спрятал буссоль в полевую сумку и, не застегивая ее, встал на визир, проверяя работу Бориса. Увидев, что кончики вешек белеют по створу, как незажженные свечи, поощряюще хлопнул техника по плечу:

- Так и гони!

А потом, покосившись на рубщиков, назидательным голосом, точно хотел наставить Бориса на верную линию поведения, не сказал, а продиктовал:

- С ними давай посолидней! Техник все-таки ты! Держи марку проектного института! А то с тобой, я смотрю, обращаются, как с мальчишкой.

Час спустя Бутаков предложил мужикам:

- Можете пообедать! - И показал на поросшую мелким березником просеку, где, обмывая корни деревьев, пробегал ручеек.

Мужики сначала умылись. Потом, удобно расположившись, ссыпали в общую кучу яйца, хлеб, луковицы и сало. Видя, что техник с начальником в стороне и не думают об обеде, которого, может, у них и нет, громко и дружно, в три голоса:

- Сергей Александрович!

- Борис Николаевич!

- Идите до нас!

Борис, смущаясь и улыбаясь, подсел к мужикам, взял кусочек хлеба с очищенной луковицей и салом.

- А вы, Сергей Александрович?

Бутаков отказался. И даже дал лесорубам совет:

- Не обращайтесь внимания. Я питаюсь в день только дважды - утром и вечером.

Мужики подпихнули друг друга локтями:

- Може, и нам перейти на двухразку?

Бутаков среагировал:

- Рубщикам не советую. Все же физическая работа. А остальным? Остальным двухразка не повредит. Как ты считаешь, Борис?

Борис только-только не поперхнулся, кое-как пропустил кусок в горло и покраснел, намереваясь сказать: «Зачем так-то, Сергей Александрович?» Но не стал говорить. Попил из ручья и поднялся, ступая к теодолиту.

Бутаков уступил ему место у инструмента.

- Действуй! - сказал. - Двадцать градусов вправо.

Пока Зимин наводил трубу на заданный угол, а мужики, отряхнувшись, шли с топорами по междукустью, Сергей Александрович, сняв куртку и сапоги, прилег в тени от лохматого пня. Отдыхать позволял он себе лишь когда налажено дело, движется все как бы само собой, подчиненные

знают, чего от них ждут и справляют работу без понуканий.

- Всё! Навёл! Дальше, что ли, пойдём? - спросил у него Зимин голосом человека, взволнованного от мысли, что ему доверяют работу, которую он ни разу не выполнял.

- Да, да. Направляй их на створ.

Бутаков любил вот таким легким способом, по-приятельски перекладывать часть своих дел на плечи ребят, которым самим было лестно взять на себя чужую работу и нести ее, как благодарность, какую не каждый может и заслужить. За Бориса он был спокоен. А вот за Игоря - нет. Витушкин был, как казалось ему, без царя в голове, легкомысленный и беспечный и внушал серьезное опасение, что однажды он ошибется или что-нибудь напартачит и постарается это скрыть. «Будем следить», - Бутаков чуть поморщился. Не хотелось ему таких вот довесков. Да приходилось их принимать...

Четверть часа и надо-то было, чтобы почувствовать бодрость. Бутаков потянулся к резиновым сапогам.

Зимин ушел за рубщиками вперед. Бутаков увидел его в трубу. Расторопно шагающий, в серой рубахе с узкими рукавами, простеньких брючках, с венком рыжеватых волос из-под кепки, был он похож на обходчика леса. Бутаков неожиданно вспомнил, что работяги, когда обедали, обращались к Борису по имени-отчеству, как к молодому специалисту. «Значит, - Сергей Александрович ухмыльнулся, - беседа моя дала практический результат. Был Бориско. И нате - Борис Николаевич. Все, что советовал, то и сделал. Послушный парняга».

Вычислив угол, Бутаков записал его данные на бумажке. Втиснул записку в расщеп трехметровой с крестиком вешки. И всадил ее в землю так, чтоб стояла она хорошо и была видна издалёка.

Лето пришло осторожно и робко, словно упавший к ногам березовый лист. Безоблачно. Тихо. Самое лучшее время для изысканий. Одно было плохо - далековато ходить. За восемь дней прогнали семь километров. На девятое утро рабочие, как обычно, явились к столовой. Спускаясь с крыльца, Бутаков почувствовал, что рабочие чем-то удручены. Через секунду сообразил, что виной тому - Подосенов. Бутаков посмотрел на него.

Тот грузно встал с подкрылечной скамьи.

- С седнишня дня я у вас - не работник, - и показал на обутые в стоптанные кроссовки огромные ноги. - Стёр, аж до мяса. И рад бы пойти, да никак. Я и сюда-то еле-еле приплелся.

Сергей Александрович поугрюмел.

- Надо было вчера, с вечера, мне об этом. Я б хоть замену тебе нашел.

Подосенов развел руками:

- Здоров, как бык, а не знаю, как быть. Думал: за ночь пройдет...

- Всё? - оборвал Бутаков, вложив в интонацию голоса не только сочувственную улыбку, но и укор должностного лица, которому некогда отвлекаться.

- За деньгами-то как, - сказал Подосенов, едва Сергей Александрович двинулся по дороге, - когда приходите?

Бутаков раздраженно остановился.

- Приедет вот Склябин, - назвал начальника экспедиции, - сразу и рассчитаю.

- А когда он приедет? - спросил Подосенов уже вдогонку.

- Сегодня.

С худым настроением шли изыскатели на работу. Добирались до места почти два часа. А назад возвращались - два с половиной. Мужики были сильно угнетены. Перед тем как пойти

по домам, заявили категорично:

- С завтрава дня не выходим!

Бутаков иронически улыбнулся:

- Тоже небось на ногтях мозоли натерли?

Ему объяснили:

- Время гробим не на работу, а на ходьбу. Обидно!

Сергей Александрович только-только не проронил: «Изыскателя ноги кормят», однако нашел другое:

- Забираемся завтра в лес. На пару недель. Кто не хочет - отказывайтесь сегодня.

Для мужиков это было и ново, и непонятно.

Сергей Александрович в этот вечер старался за четверых. Наказав себе действовать энергично, не отвлекаясь на пустяки, он первым делом направился в дом для приезжих, где дожидался его Владислав Ильич Склябин.

Владислав Ильич, увидев вошедшего Бутакова, поднялся из кресла - черноволосый, морщинистый, низкорослый, с улыбкой на длинном лице, обещающей много такого, чему не обрадоваться нельзя.

Пожимая Склябину руку, Сергей Александрович осведомился: - Завтра мы в лес. На тракторе. Может, и вы, Владислав Ильич, с нами?

Склябин вновь провалился в глубокое кресло.

- Так уж я там и нужен?

Бутаков переставил стул. Приметив стопу бумаги, потянулся и взял верхний лист.

- Деньги мне привезли? - перешел сразу к делу.

- А как же!

- Тогда сажусь за расписку, - сказал Бутаков. Пальцы его, отогнув накладной карман куртки, вынули авторучку и побежали с ней по белому полю листка. Покончив с распиской, Сергей Александрович встрепенулся:

- Владислав Ильич! Ей богу, нет времени! Не сердитесь!

Вон глядите! - кивнул в окно на хромавшего по дороге матерого мужика. - Ко мне! За расчетом! А у меня и наряд еще не написан!

Владислав Ильич отсчитал ему деньги.

- Всё спешишь?

- Всё бегом!

- А вот я тихим шагом.

Из всех начальников экспедиций Складбин был самым несуетливым. Никогда никуда не спешил, а везде успевал и справлял свое дело всегда обстоятельно и надежно. Нынче осенью стукнет ему шестьдесят, и он станет пенсионером. Пенсии он дожидается, как и всякий не по годам износившийся человек, кто боится ненужных сложностей и волнений.

Забирая деньги, Сергей Александрович поглядел на Складбина торопливым, почти подгоняющим взглядом.

- Новости есть?

Владислав Ильич пожурил:

- Да тебе и слушать-то недосуг.

- Это точно! - Бутаков суматошно поднялся. Поставил стул на старое место - и к двери. У порога все-таки обернулся:

- Еще заскочу!

Подосенов его поджидал у барака. Сидел на крыльце. Бутаков каснулся рукой до его плеча, что означало: «Пойдем».

Сумму, которую должен был выдать, Сергей Александрович определил, покуда садился за стол, брал чистую ведомость и вносил в левом верхнем углу фамилию лесоруба.

- Распишись.

Лицо Подосенова извело.

- Сорок рублей? Это, что ли, и всё?

- За восемь дней. Не так уж и мало, - сказал неуверенно Бутаков и понял, что допустил непростительную ошибку. О ней тотчас же ему лесоруб и напомнил:

- А обещали в день по десятке. Стало быть, восемьдесят рублей! - Подосенов уперся ладонями в кромку стола, чуть подался вперед, объявляя всем своим угрожающим видом: «Я пришел за своим! Попробуй его не отдай!»

Бутаков отклонился к брезентовой спинке стула. Он был застигнут врасплох. Однако собрал в единое всю силу воли.

- Может, и выйдет в день по десятке, - нашелся с ответом. - Сейчас об этом трудно сказать, - добавил для весу.

Расписываясь за деньги, Подосенов справился для порядка:

- Это, выходит, чего? Навроде аванса?

- Навроде, - кивнул Бутаков.

- А окончательно?

- Где-нибудь через месяц. Может, позднее. Словом, когда закончим всё изыскание.

Подосенов ушел, и тотчас же лицо Бутакова сделалось буропятнистым. Минуту спустя он успокоился и поспешил к начальнику лесопункта.

Петр Фомич подолгу засиживался в конторе. Бутаков застал его за стаканом крепкого чая. Отставив стакан, Петр Фомич протянул через стол ладонь, поздоровался с Бутаковым и сразу же сообщил:

- По трактор пришел! Угадал? Вот то-то! Начальству всё полагается знать наперед. Информаторы у меня работают без осечки. Трактор будет! Еще чего-о?

Нравился Бутакову веселый напор, с каким Петр Фомич разрешал большие и маленькие проблемы. В лесопункте своем он знал подноготную каждого, с кем работал, был в курсе плохих и хороших событий, имел грубовато-бурный характер и, если ему человек приходился по сердцу, то мог для него сделать всё.

Сергей Александрович начал перечислять:

- Волокуши какие-нибудь...

Петр Фомич перебил:

- Не какие-нибудь, а с новой оковкой, иначе оставите их на первой версте.

- Продукты.

Петр Фомич подхватил:

- Позвоню завмагу!

- Бензопилу..

Петр Фомич удивился:

- До сих пор без пилы? Дак берите! Хоть две!

- Тракториста, чтоб нас не подвел.

Петр Фомич даже это предусмотрел. Повернувшись к стене, колонул в нее пару раз и неожиданно властно:

- Ива-ан?!

Мгновенно в его кабинете вырос одетый в комбинезон ершистоволосый сухонький мужичонко.

- Вот! - Петр Фомич показал Ивану на Бутакова. - Их повезешь. В тридцать девятый квартал.

Из конторы Сергей Александрович возвращался, не торопясь. Несмотря на усталость, чувствовал он себя хорошо. Все-таки день для него завершился удачно. Шел Бутаков по поселку тяжеловато-уверенным шагом геодезиста, кто много сегодня ходил, много думал и много делал и, предвкушая заслуженный отдых, жадно вдыхал охлажденный вечерними росами воздух, в котором плавали запахи влажной дворовой ромашки. Серпик луны на востоке, закат и садившиеся в него две розовато-прозрачные тучки сулили на завтра солнечный день.

У Склябина Бутаков в этот вечер подзасиделся. Владислав Ильич, разливая по рюмкам коньяк, сообщал главные новости института. Сергей Александрович рад бы внимать, да его захватила сонливость, и он рассеянно слушал. Слушал как бы со стороны, ощущая себя в этой комнате третьим нечаянным человеком, который сейчас незаметно зевнет, поднимется и, ничего не сказав, пошагает в барак, где его дожидалась желанная раскладушка.

Из поселка отряд отправился поутру. Впереди - мощный трактор, тащивший груженные волокуши. Позади - цепочка геодезистов. Шли, шли и шли, пока не наткнулись на девственный ельник.

Сергей Александрвич выбрался из кабины.

- Еще полтора километра, - сказал, хотя было все два, и направился к волокушам. - Понесем на себе! - И кивком головы заставил всех приблизиться к возу, чтоб тут же его разгрузить. - Чего унести не сможем - оставим под елками. После вернемся. Изыскателя ноги кормят. Давай!

Чего-чего, а вовлечь подчиненных в артельное дело Бутаков умел, как вожак, при этом никто на него не сердился и даже старался спешить, словно боясь отстать от соседа, который мог его в чем-то опередить.

- С обедом-то как? - спросили его, едва волокуши освободились, а трактор, с трудом развернувшись, встал на свой же измолотый след.

Бутаков посмотрел на часы.

- Думаю, перетерпим. Там уж, на месте. Лучше горячего, чем всухомятку. Чтоб поесть - и на отдых.

Сказано было так обещающе, будто там, куда они вскоре придут, их уже дожидался заставленный яствами стол. Не согласиться было нельзя.

Начальник отряда, два техника, восемь рабочих. Как только распределили, кто чего понесет, оказалось, что здесь остается ящик с консервами и мешки с макаронами и крупой.

- Вперед! - сказал Бутаков, накидывая рюкзак, который вдруг оказался до неудобного легким. И тогда он забрал под мышку собственный спальный мешок. Полагал, что и техники так же, как он, заберут только личные вещи. Но Витушкин, ломаясь в поясе, поднял ящик с тушенкой и кое-как усадил

его на плечо. А Зимин загрузил себя кухонным скарбом, где были миски, ложки и кружки, да еще прихватил чей-то толстый баул. «Дурачки!» - подумал Сергей Александрович и, не оглядываясь, побрел по отцветшему майнику, толстые листья которого, будто снег, закрипели под сапогами.

В хвойном лесу стояли зеленые сумерки. Воздух был тяжек и густ. За елками шел березняк, тоже крупный и старорослый. Но здесь просторнее и свежее. Листья просвечивало насквозь. Квартальный столб, по соседству с которым можно было устраивать лагерь, начальник отряда увидел издалека и, конечно, взбодрился, выправил грудь, а взглядом проникся куда-то сквозь лес, ибо знал, что в этих местах находилась низинка, а в ней протекал, питаясь болотом, еще не успевший, наверное, высохнуть ручеек..

Карта не обманула. Низину и ручеек Бутаков обнаружил метрах в двухстах за квартальным столбом. Освободив себя от спальника с рюкзаком, Сергей Александрович стал дожидаться.

Первыми подошли Зимин и Витушкин. В пути они обменялись поклажей, и теперь у Бориса был ящик с тушенкой, а у Игоря - толстый баул и посуда.

Потом один за другим притащились и работяги. Сразу рухнули в мягкий пырей. Никто - ни словечка.

День умирал. Было тихо. Ни птиц, ни кузнечиков, ни лягушек, обычно дававших свои концерты в погожие летние вечера. В том, как молчал ручеек, хотя он был должен журчать, как молчали багульник с осокой и пыреем, хотя бы тоже могли шелестеть и шуршать, как молчал подступавший со всех сторон подрумяненный солнышком лес, хотя без свиста и гомона птиц был он совсем невозможен, чудилось что-то печальное до боязни.

Сергей Александрович еле заставил себя подняться.

Хлопнул руками по голенищам.

- Отдыхать будем после! - сказал. - Давайте за дело! - И стал энергично показывать пальцем:

- Ты и ты разжигайте костер!

- Вы вон двое готовьте похлебку!

- Вы, ребята, в лес по лапник! Да только секите его не с елок, а с пихт! Чтоб ночью иголки не щекотали!

- Панков с Васильковым ставьте большие палатки!

- Игорь с Борисом - двухместки!

Затем, развернув на коленях карту, стал думать: каким маршрутом пойдут они завтра на трассу?

Час спустя зажелтели четыре палатки и на костре невдале от ручья поспела похлебка.

Стола пока не было. Ели лежа. И не было лучшей еды, чем эта, вкусно припахивавшая костром, который спокойно горел, высветляя усталые лица геодезистов.

xxx

Были ли здесь золотые цветы краснотала? Был ли багульник? Был ли болотистый ручеек? Теперь в это верилось трудно. Все, что было зеленым, сделалось белым. Где-то среди ночи пошел снегопад. Снег и сейчас, как в январское утро, валит и валит. Вот почему так угрюмо молчала вчера природа - живность ее, предчувствуя холод и снег, заранее расползлась, разбежалась и разлетелась, дабы найти от ненастья какую-нибудь захоронку.

Высунув голову из палатки, начальник отряда едва не с ненавистью смотрел на мелькающие снежинки.

- Не повезло, - сказал в передумьи.

Бутаков упускал свои дни. Вчерашний ушел на дорогу. Сегодняшний тоже пройдет, как пустой. Сроки его особо не волновали. Можно тянуть весь июнь. Волновала зарплата

Из чего он станет платить? Обещал на каждого в день по десятке. Но если такие простои будут и дальше - десятки не выйдет. Как он себя поведет, когда работяги придут за расчетом? Бутаков имел горький опыт. Дело было в прошлом сезоне. Заплатил мужикам он по шесть пятьдесят, а полагалось по девять. Стоимость дня сам до начала работы и обозначил, и мужики ее приняли, как залог. В тот раз подвели Бутакова бросовые ходы, за которые разрешалось платить только десять процентов. У него же их набежало все сорок. Он пытался было увещевать, призывать мужиков к пониманию обстановки. Только все его доводы падали мимо. Работяги сначала угрюмо молчали, а после, смекнув, что их обдурили, понесли его матюками. И изготовились было пустить кулаки. И Бутаков, испугавшись расправы, роняя стулья и стол, метнулся к раскрытому настежь окну.

Сергей Александрович полагал, что подобного нынче не будет. Как бы ни было трудно, а слово свое он сдержит. Заплатит не меньше, чем обещал. Но для этого, кроме желания, необходима была погода. Ее-то как раз Сергей Александрович и не видел.

После завтрака кто-то, сладенько потянувшись, спросил на весь лагерь:

- Чего делать-то буде-ем?

- Разрешаю сходить за грузом! - тут же откликнулся Бутаков, имея ввиду мешки и ящики с провиантом, которые находились в лесу, докуда вчера пробрался С-100.

Но охотников отправляться за провиантом не оказалось.

Снова все забрались в стеганные мешки. Кто-то дремал. Кто-то резался в карты. Кто-то курил и слушал, как падает снег. Каждый страдал от безделья и понимал, что надо терпеть эту глупую непогоду.

Днем все спали. Снег той порой превратился в прерывистый дождь. Квечеру дождь перестал. С болота шумнул ветерок, донесся до палаток запах цветущей морошки.

Бутаков и во сне проводил свою трассировку, отчего не сразу сообразил, почему он находится тут? Выбравшись из мешка, раздвинул палатку:

- Панков! Думай: кому нынче делать кормежку?

Панков, мужик шепутной, из тех, кто везде сует нос, надо, не надо, а гоношится, всему лесопункту он, если не друг, то приятель.

Панков достал коробок, из него - восемь спичек, сломал у двух по головке и, обращаясь к своей и соседней палаткам, где разместились лишь работяги, задорно спросил:

- Чия?

Быть поварами выпало Гене и Вене, шестнадцатилетним юнцам. Пока они кашеварили, вся поляна преобразилась. Была белой, и вот уже зеленела. Квакали в лужах лягушки. Дул теплый ветер. Небю весело очищалось. Вскоре в его глубине заворочалось солнце.

Бутаков жалел, что сейчас не утро и нельзя отправиться в лес. Был только вечер - с туманом над ручейком, пиканьем рябчика в елках и густыми накатами запаха от сверкавшего краснотала. Ночь представлялась ему до невозможности длинной, как пойма таежной речушки, которой надо идти и идти, а ей не будет конца.

Но все приходит и все уходит. Был ужин возле костра. И вот уже Геня и Веня моют посуду.

Костер догорает. Огонь никому поддерживать неохота. Да и некому это делать. Один за другим уходят в палатки. Сергей Александрович тоже уходит.

xxx

На поиски трассы ушло часа полтора. Собственно, трассу и не искали, а шли ей навстречу все пять километров по плохо ухоженной просеке гослесфонда. И все равно Бутакову

было немного тревожно, особенно в хвойном бору, когда он пошел по буссоли и целый почти километр сомневался: «Попадем или нет? Не уйдем ли куда стороной?» Но он рассчитал хорошо. Да и карта была точна и подробна. Потому, когда вывел людей на знакомые пни, невольно выразил вслух:

- Ишь как мы аккуратнo попали! Ни одного ненужного шага. Точь-в-точь.

Отряд, как и в прежние дни, разделился на группы. Бутаков вместе с рубщиками под рѣв заведенной пилы пошел прокладывать просеку дальше. Зимин с подростками двинулся к нивелиру. Витушкин же, сев на пенек, стал рассчитывать угол, чтоб, закрепив его знаками, сразу уйти с промером вперед. С Игорем - Лаптев и Васильков.

Пожилой Васильков, свалив прямоствольную пихту, из пня ее делает репер. Игорь доволен его работой. Высотный знак, на полку которого ставится рѣйка, вышел красиво обтесанным, аккуратным.

- В лесопункте-то кем работаешь? - спрашивает Витушкин. - Наверное, плотником?

- Не, - Васильков забивает в полочку гвоздь. Забив, оставляет топор. - Сортировщиком. Поглядеть на меня, - продолжает, отряхиваясь от стружек, - ровно комар избидел. Раньше-то я был героой! Плотник, спрашиваешь? Бывало. А сперва - это когда еще лес возили на лошадях - стоял во главе лесопункта. Да снесло меня с этой горушки. Несет до сих пор. Не знаю, где-ка и остановит. С каждым годом все ниже и ниже. А виновато винцо! Попиваю. Когда выпью - шумлив! Всѐ не нравится! Всѐ не по мне! Старуху свою, скажи она мне чего поперек - буздыряю вот этими кулаками. После мучаюсь. Сам

не свой. Готов исказниться. А так, когда трезв, тише меня и нет. И самому хорошо. Чего бы не жить? Не умею.

- Меры не знаешь! - говорит ему Лаптев.

- Ты-то знаешь?! - обижается Васильков.

- Я тоже не знаю. Но я и пью не с твое. Ты, почитай, в месяц-то раза два начинаешь.

- Иное и три, - говорит Васильков.

- А я три-то раза лишь за полгода. И то, когда в гости меня позовут. А сам по себе - извини! Не желаю!

В глазах Василькова - неодобрительная усмешка.

- Скрыга та еще!

- А еще-то кто? - улыбается Лаптев. - Валяй. крой! Всё одно не обижусь! Мягкий я человек. Душа моя легче пуха. Эх! Уеду от вас!

Васильков, покуда Витушкин малюет на репере буквы проектного института, садится в траву и спрашивает с ухмылкой:

- В город, что ли?

- В районный! - Лаптев сует в мешок заостренные колья. Сует туда и топор. На худощавом лице - выражение радости и азарта.

- Денег, братья, ого-о у меня! Дом куплю! А может, и «Запорожец»! Подготовочку сделаю - тут и женюсь! О невесте не извожусь. Нет - так будет! Женихов-то с машиной и домом ныне не лишка! Так что клонут и на меня! Только парень-то я - не промах. Мне не всякую дай! Мне такую, абы боялась и уважала! И, гори моя жизнь, коль такого не будет!..

Поговорили и вновь за работу. Васильков и Лаптев идут впереди, то и дело склоняясь над лентой. Игорь тащит мешок, да еще закрепляет трассу, вбивая в землю плюсовки и точки. Чтобы от мерщиков не отстать, журнал заполняет наспех,

х
Деревянные, разных размеров, в виде колева и колышков, знаки

урывками, кое-как, нанося на алые клетки миллиметровки каракули абриса и начальные буквы того, что должно фиксироваться словами. Единственно, где Витушкин может нормально вести журнал, это в местах остановок, когда Васильков мастерит деревянные знаки, а Лаптев делает впрок для них заготовки.

До угла добрались - и опять разговор. Теперь говорит уже Игорь. Мужики пристали к нему: кто отец у него?

Отца у Игоря нет. Да и не было никогда. Во всяком случае мать, как ее ни расспрашивал Игорь, не говорила. Ясно было, что он незаконно рожденный. Не признаваться же в этом ему. Потому и придумал:

- Директор завода.

- Ух ты! - Лаптев всплеснул руками от зависти и восторга. - И получает, поди, рублей под пятьсот!

Игорю что оствалось? Придумывать дальше.

- С премиальными все семьсот, а то и под тыщу! - Тут он, кажется, перегнул, но ему поверили все равно.

- Лафа тебе, Игоряха! Зачем и деньги?

- В общем-то да, - согласился рассеянно Игорь, на минуту представив себя сыном богатого человека, у которого денег невпроворот. - Сам не знаю, куда их девать. Лишние. Иногда бы и отдал сотнягу тому, кому она дозарезу, да подумаю: вдруг человек на худое употребит. Так и растрочу по пустякам.

- С таким отцом, - спросил Васильков, - на кой экспедиция-то тебе?

Игорь и рта не успел открыть, как сидевший напротив порывистый Лаптев возбужденно затараторил:

- Слуша-ай! Я, может, к вам и подамся! Чего мне - районный! Махну - в областной! Устроюсь к отцу твоему на завод! Примет ведь, а, Игоряха? Как ты считаешь?

Игорь никак не считал. Мало того, он даже чуть испугался,

подумав, что Лаптев и в самом деле возьмет в лесопункте расчет и прикатит к ним в город, где станет искать тот завод, руководит которым выдуманный директор.

- Когда?- спросил он у Лаптева.

Тот искательно улыбнулся:

- Насчет, Игоряха, чего?

- Насчет сообщить, что ты к нему приезжаешь?

К этому Лаптев был не готов. Он даже немного смутился и неожиданно тихим голосом заключил:

- Ладно. Об этом мы после...

xxx

Едва ли не каждый вечер Сергей Александрович спрашивал у себя: «Как удержать рабочих на трассе, чтобы не драпанули?» Дело шло с каждым днем все хуже и хуже. С бензопилой проходили в день по два километра. Однако бензина не стало, и скорость проходки упала до километра.

Сегодня рубщики подняли ропот, давай, мол, начальник, бензин, иначе не станем работать. Все четверо примостились на срубленных елках. Бутаков же стоял, прислонившись к сосне. Внешне покладистый и спокойный, он еле сдерживал гневный порыв, с каким хотелось ему осадить мужиков. Но остерегся. И даже понял, какие слова был должен сказать, чтоб заставить людей продолжать надоевшее дело.

- Будет бензин, - сказал он негромко. - Привезем из поселка. Но для этого надо кому-то туда пойти.

Мужики уточнили:

- Это чего-о? За пятнадцать-то километров?

- За пятнадцать, - кивнул Бутаков, обмеряя глазами всех четверых. - Есть добровольцы?

Рубщики молча пожали плечами.

- Ладно. Попробуем без бензина, - сказал низкорослый

Панков и первым пошел к теснине деревьев.

В то утро они прорубались уже от палаток. Доверившись карте, Сергей Александрович гнал прямую, не думая об углах. Он растерялся, когда после рубки сквозь березняк их трасса наткнулась на глубоченный, почти с отвесными склонами лог. Было ясно, что сделали бросовый ход, и предстояло вернуться назад, начав от палаток новую рубку.

Рубщики были омрачены. Когда возвратились к палаткам, спросили у Бутакова:

- Это как же мы дале-то будем? А вдруг ты опять уведешь не туда? Опять, что ли, сызнова начинать?

Бутаков обвинил во всем карту. Но мужикам от этого было не легче. Сергей Александрович поторопился сказать, что бросовый ход непременно поставит в оплату. Мужики презрительно промолчали, всем своим видом давая понять, что иначе и быть не должно. А потом все четверо закурили. И лишь после того, как Сергей Александрович объявил, что уходит сейчас проводить глазомерную съемку, а они пускай остаются и отдыхают, рубщики, пошептавшись между собой, сказали, что поначалу они обернутся за провиантом.

Они уходили одновременно. Рубщики - старым визиром, Сергей Александрович - лесом.

Бутаков взял на десять градусов вправо. Шел по буссоли около часа. Остановился, как только заметил верховье глубокого лога. Оно поднималось, поросшее мелким березняком. «Значит, по этой прямой и пойдём! - заключил. - И чего я вчера сюда не сбродил? Усталость почувствовал. А надо бы было через усталость...»

xxx

Такое погожее лето! Вот оно рядом! Ступало по тем же полянам, лесам, ручьевинам и тропам, светло зажигая головки цветов и управляя полетами насекомых. Но изыскатели лета не замечали. Загородила его от них маятная работа. Особенно

трудно давалась ходьба. Чтоб сократить ее, стали снимать по утрам палатки, перенося их со всем снаряжением трассой к местам, где имелась вода, будь она в бочажинке под выломнем-нем, в чуть живом ручейке, в дождевой кислой луже или низинке.

Оглядеться вокруг себя можно было лишь вечерами. Тишина. Шелест хвои. Костер. Но усталость была велика и, выпив по кружке березовой чаги, изыскатели, сонно зевая, ступали к палаткам.

Как и все, после ужина Игорь сразу же засыпал. Но сегодня он задержался. Глядя на приближавшиеся к костру потемневшие пихты, он с удовольствием ощутил запах слегка подхоложенной хвои, на которой накапливалась роса. А потом, закрывая глаза, учуял запах измученной пыльной травы. Откуда он, этот запах? Ему здесь не место. Но Игорь слышал его. Одновременно он слышал далекий гомон и гул переулков, улиц и площадей, шуршание шин, и вдруг чей-то очень знакомый участливый голос, который спрашивал у него: «Как там поживает, моя заброда? Долго ли будешь ходить по этим лесам? Когда домой возвратишься?» Это мать. Это она. Вероятно, вспомнила в эту минуту, потому так отчетливо Игорь ее и услышал.

Прислонившись к кокоре, Игорь увидел высокие облака. Шли они медленно и спокойно. Шли караванами белых коней и таких же белых верблюдов. «Скорей бы прошли!» - подгонял их Витушкин. А потом перестал подгонять. На облаке, как на пароме, переплывавшем ночную реку, стояла красивая девушка и, улыбаясь, махала ему пушистой перчаткой.

Костер покрывался пленкой золы. Игорь не то дремал, не то думал о чем-то невнятном, не то весь забывался и уходил в запредельное время, в котором никто никогда не бывал. Здесь, внизу - лохматые тени заснувших деревьев. Там,

вверху, на северном скате небес - облака, на южном - созвездия Лиры, Лебеда и Орла. Было странное ощущение, будто он у порога Вселенной, куда приглашают его зайти.

Игорь встал. Посмотрел еще раз на игравшее звездами летнее небо. Залил угли водой. Залезая в палатку, увидел Бориса, который спал и руками, лежавшими на груди, что-то быстро перебирал. Догадался Игорь: «Продолжает нивелировку!» И, закрыв за собой палатку, только-только успел упасть на мешок, как заснул.

xxx

Вчера был забит 249-й пикет. Бутаковым владело чувство удачи. От мысли, что работяги не разбежались, техники справились с делом лучше, чем он ожидал, и изыскание завершилось, Сергей Александрович был взбудоражен.

Вскоре лесная поляна загомонила. Плеск воды у ручья. Дым костра. Первый лучик зари. Все это было в каждое утро, когда изыскатели поднимались, готовя себя к работе. С той лишь разницей, что сегодня это было в последний раз.

И вот уже скатаны все палатки. Выхлебан жиденский суп. Выпит чай.

Двадцать пять километров по створу. Одиннадцать человек. Каждый шел, глядя под ноги, чтоб не споткнуться. Долгомошные кочки, дрозд, взлетевший над старой ольхой, пьяный запах валерианы, нежные крылышки белозора, кромка зеленого с голубым, где смыкались земля и небо, - все кричало о северном лете, так счастливо и скромно умевшем блаженствовать на земле.

Для Бутакова приезд в Валуй начальника транспортного отдела Евсея Петровича Головина не явился сюрпризом. Как он и предполагал, дирекция леспромхоза договорилась с их институтом о срочной работе над документами для дороги.

Еще до отъезда из области Головин, только что утвержденный, как лицо, отвечающее за подготовку технических документов, почувствовал: дел бумажных будет невпроворот, потому и привез с собой целый штат опытных камеральщиц - четырех пожилых, засидевшихся в институте сотрудниц отдела.

В поселке они появились позавчера. Головин был сердит. Начальнику экспедиции Склябину пришлось выслушивать колкости и придирки.

- Скажи-ка, Склябин, чем ты больше всего дорожишь в этой жизни?

Владислав Ильич, чтоб уйти от греха подальше, сказал первое, что пришло на язык:

- Возможностью отдохнуть, особенно, если устану.

- И только? - сиронизировал Головин.

Вячеслав Ильич опять растерялся и ответил почти наобум:

- Здоровьем.

- Ну, а еще-то чем?

Склябин почувствовал, что краснеет.

- Больше ничем, пожалуй, не дорожу.

Головин покачал седеющей головой. Глаза его были холодны и спокойны, однако Склябин заметил в них снисходительную усмешку.

- Для меня здоровье и отдых тоже кое-что значат, - сказал Головин. - И все-таки, в первую очередь, я собственным временем дорожу. Запасся этим богатством всего на одну только жизнь. Человек же я пожилой. Богатство мое с каждым

годом и месяцем убывает. Боюсь потерять из оставшегося запаса даже минуту. А тут у вас выплеснул целых два дня! Кто мне их возвратит? Не подскажешь?

Склябин чувствовал себя виноватым. Не надо было ему называть Евсею Петровичу дату, когда отряд Бутакова выйдет из леса. А он назвал, заверив Головина, что изыскатели слово сдержат. Однако они задержались. Пришли в Валуй на четыре дня позже, чем намечали.

- Долго возитесь! - упрекнул Головин Бутакова, когда на другое утро после выхода из тайги начальник отряда в сопровождении техников распахнул дверь в комнату для приезжих.

Одетый в льняную рубашу с короткими рукавами, широченные серые брюки и босоножки, Головин при виде вошедших сделал лишь шаг.

- Долго, долго вы там!

Знал Бутаков начальника транспортного отдела как придиристо-едкого человека, который требует с подчиненных значительно больше, чем они могут. Оттого и не возмутился.

- Могу отчитаться за каждый день. И за четыре, что просидели в палатках.

Головин до такого не допустил. Бутакову он верил. Посмотрев на смиренно стоявших около двери Витушкина с Зиминим, позвонил им к себе, поздоровался за руку и сказал:

- Поднатужтесь, ребята! Верю: в лесу вы работали хорошо. Теперь хорошо поработайте за столами. Дней у нас мало. Надо успеть. Сегодня же сдайте свои журналы!

Все четыре квартиры стандартного дома были отданы экспедиции для камерально-проектных работ. Игорь с Борисом сидели в комнате за большими письменными столами, о которых заранее позаботился Склябин, обеспечив всю экспедицию необходимым инвентарем. Третий стол пустовал. За ним недавно работал топограф, но неожиданно он заболел, и его увезли в

больницу. Этот стол, наверное, вскоре займет геолог. Геолога, как и топографа, техники тоже ни разу не видели, потому что и тот, и другой появились в поселке, когда они были в лесу. Теперь в лесу находился геолог. Ушел с навьюченной лошастью и четырьмя мужиками.

Лето играло цветами синюх, колокольчиков, смолок, гвоздик и калужниц, дразнило запахом скошенных трав, врывалось в окна стандартного дома, где сидели, склонясь над столами еще не успевшие отдохнуть от вчерашнего перехода геодезисты.

Головину не терпелось всех подключить к камеральному делу, особенно женщин, имевших опыт по составлению профилей, планов и прочих бумаг, без которых нельзя готовить рабочие документы. А для этого были нужны полевые журналы.

Техники приводили их спешно в порядок. Витушкин при этом выглядел кисло. Зимин же был бодр. Комнатная работа пришлась Борису по вкусу. Он даже жалел, что было ее немного. И все потому, что в лесу при свете костра или свечки он каждый вечер корпел над записями в журналах. Теперь оставалось лишь их просмотреть. Просмотрел, улыбнулся сочувственно Игорю, уныло сидевшему среди пикетажек, взял журналы и двинулся с ними к Головину.

Головин, принимая журналы, взглянул на Бориса недоуменно:

- Что-то ты больно быстро, юный товарищ. Жука случайно не посадил?

- Какого жука? - всполошился Зимин.

- Мухлеватого.

Стыдом окатило Бориса.

Головин сделал вывод:

- Краснеешь! Значит, не посадил.

Стыд отхлынул от Зимины, и лицо его отразило готовность к любому делу, на какое укажет сейчас Головин. Но Евсей

Петрович лишь помахал рыхловатой ладонью, поди, мол, к себе, мне ты больше не нужен. И Борис деликатно направился к двери. Открывая ее, обернулся.

- Евсей Петрович, сейчас-то чего мне, скажите, делать?

Головин пожурил:

- Через голову узнаешь! На твоём месте справлялся бы я об этом только у Бутакова.

Но Бутакову было сейчас не до техника. Он спешил. К тому же его раздражал скучающий Склябин. Черноволосый, с морщинисто-добрым лицом, в неизносимом, песчаного цвета походном костюме, сидел Вячеслав Ильич у распахнутого окна напротив стола Бутакова и дожидался, когда Сергей Александрович, покончив с журналами, перейдет наконец к нарядам, которые Склябин проверит и утвердит, а потом увезет в институт, чтоб вернуться оттуда уже с деньгами.

Свои журналы Сергей Александрович мог бы сдать вообще без проверки, однако не стал рисковать. Перелистал их, пересчитал каждый угол. Скучно склоненная над столом русоволосая голова, недовольные с жестким надломчиком брови, уши, чутко настроенные на слух, проворные пальцы, хватавшие то карандаш, то журнал, то резинку, словом, весь его вид был какой-то неверяще-ревизорский, точно он проверял не себя, а того человека, который в чем-то ошибся, и Бутаков его обязательно уличит.

Журналы отнес он Евсею Петровичу до обеда.

- Ну и как? - спросил Головин, имея ввиду настроение Бутакова.

Сергей Александрович скорбно вздохнул, сообразив, что сейчас ему надо сказать о главном, к чему готовился целый месяц.

- Даже не знаю.

Головин удивился:

- О чем это ты, Бутаков?

Сергей Александрович стушевался. но тут же махнул рукой на свою осторожность:

- По лесам мотаюсь восемь сезонов! Говоря откровенно, осточертело! Эта дорога будет последней! Поймите, Евсей Петрович! Из института я уходить не хочу. Но и ездить с отрядом больше не собираюсь!

Головин сидел над картой-крупномасштабкой, на которой была прочерчена трасса автодороги. Поставил на карту свой толстый локоть и начал прикидывать вслух:

- Осточертело. Ну что ж. Знакомо, знакомо. Из института ты уходить не желаешь. Значит, надо тебе должностишку. Начальником экспедиции? Не потянешь. Заместителем у меня? Тоже толку не будет. Надо, значит, туда, где бы стал ты полезен для института. Если не против, могу предложить... Впрочем, об этом мы потолкуем потом. Сейчас для нас главное - что?

- Рабочие чертежи! - Сергей Александрович не почувствовал ног, настолько были они легки, когда он поднялся со стула и, провожаемый взглядом Головина, пошел, направляясь к себе, где дожидался его скучающий Склябин.

Один лишь Витушкин, сидевший среди пикетажных журналов, не смог прийти сегодня к Головину. Евсея Петровича это задело, и он, подгоняемый любопытством, не поленился зайти к камеральщику сам. Пройдя по скрипучему полу, остановился возле стола, посмотрев на сердитого парня с дико вздыбленной шевелюрой.

- Значит, запарился, говоришь? - спросил Головин, вложив в интонацию голоса предупреждение человека, который способен и наказать.

Витушкин еле-еле заставил себя сомкнуть задрожавшие губы и отвернулся к окну.

Евсей Петрович понял его состояние. Однако не стал разговаривать мягче.

- Сколько журналов? - спросил.
- Три, - ответил Витушкин.
- Утром все три должны лежать у меня на столе.

Ночью шумела гроза, обломав на черемухах старые ветки. К утру все утихло.

Головин, войдя в свою комнату, разглядел на столе пикетажные книжки. «Успел-таки!» - одобрительно хмыкнул и, усевшись на стул, начал шуршать, перелистывая журналы. Нашел лишь одно замечание - там, где трассу пересекала просека ЛЭП, была не указана высота. Он постучал по стене.

Вошедший Витушкин сразу же понял свою промашку, едва Головин ткнул толстым пальцем в журнал:

- До нижнего провода сколько метров?

- Сейчас узнаю! Тут и всего-то полкилометра! - И только Игоря видел, так моментально он скрылся за дверью.

Головин не сразу сообразил, куда это вдруг сорвался молоденький техник. А когда увидел в окне, что побежал тот задворками за поселок, и что в руках у него топор и рулетка, то испугался за парня, взмахнул пикетажной книжкой и запрещающим голосом:

- Останови-ись!

Однако Витушкин услышать не мог. Выбрав дорогу к ЛЭП напрямую, он вскоре скрылся за выступом крайнего дома.

- Надо было с собой тахеометр и рейку! - Евсей Петрович сердито поднялся. Вспомнив, что Бутаков с Зиминим ушли по его заданию к геодезической вышке, зло чертыхнулся и отыскал на задворье оставленный Игорем след. Шаги вели по траве за поселок, где блестели омытые ливнем длинные провисы проводов. Из-за инфаркта, который он перенес год назад, бегать было нельзя. Но Головин заставил себя об этом забыть. На просеку ЛЭП он выбежал, запыхавшись. Услышав стук топора, моментально почувствовал сердце, которое сжалось и заболело. Бежал и прикидывал: «Успею ли? Я - свидетель, техник -

участник. На конце деревины, которую валит, сидит его смерть...»

Найдя запасец дыхания, Головин опять побежал. Но хватило на сотню шагов. К тому же увидел и Игоря. Техник, пестрея рубахой, вышел из леса. Склонившись, тащил свежесрубленную ольху. «Может, я зря? Ничего не случится? - подумал расстроено Головин, но тут же оставил эту надежду. - Случится! Ночью была гроза. Воздух влажен. Ольшина сырая. Разряд электричества только и ждет, чтобы жердь и провод каснулись друг друга». Евсей Петрович понял, что опоздал. Но когда Витушкин начал уверенно поднимать к провисшему проводу жердь, тревожно остановился, вздохнул до отказа и, искажая губы, отчаянно прокричал:

- Не сме-ей!!!

Игорь выпустил жердь. И она, разбивая лужу, упала на землю. Недоуменный и раздраженный, Витушкин шагал по просеке ЛЭП, направляясь к Головину. Когда подошел к нему, то заметил, что тот глядит на него страдающими глазами, точь-в-точь отец на послушного сына, который его так некстати подвел.

- Дурачишко, - сказал Головин.

xxx

Возвратившийся Склябин привез итееровцам полевые. Привез и расчет для рабочих. Но Бутаков рассчитывать не спешил. В день на работника выходило не десять рублей, а семь. Опять, как в минувшем сезоне, слово свое Сергей Александрович не сдержал. От мысли, что работяги могут не только обидеться, но и обидеть, ему становилось не по себе. Бутаков завидовал каждому, кто покидал лесопункт.

Подготовив рабочие чертежи, уехали в город сотрудницы транспортного отдела. Следом за ними уехал и Головин. Потом геолог уехал. Позавчера, забрав снаряжение

экспедиции, вместе с техником Зиминим отправился в путь и Склябин.

Сегодня был понедельник. Расчет Бутаков назначил на вторник. «Будь, что будет», - понуро вздохнул, смиряясь заранее со скандалом. В последнее время Сергей Александрович часто испытывал чувство тайного удивления к тем перспективным знакомцам, кого неприятности не стегают, хотя и должны бы были стегать, но они каким-то неведомым образом их избегали.

После бессонной ночи, под утро Сергей Александрович, обращаясь к себе, затаенно сказал: «И чего я волнуюсь? Я ведь, кажется, не один?»

В комнату, где ночевал Витушкин, вошел он, стремительный и суровый.

- Ну и дела-а! - возмутился, да так, что проснувшийся Игорь почувствовал: что-то случилось.

- Телеграмма! - продолжил начальник отряда. - Только что принесли! Вызывают немедленно в институт!

- Кого? - Игорь заторопился. Сбросив с себя одеяло, стал надевать рубаху и брюки.

- Меня, - Бутаков отвел от парня глаза: не хотелось смотреть на его узковатую в шелковой маечке грудь, в которой было что-то доверчиво-юное, что-то готовное, напоминающее о жертве.

- Неувязка какая-то с чертежами. И чего они! Будто не знают, что надо рассчитывать работяг! Деньги и ведомость, вот они тут! - Сергей Александрович хлопнул по папке. - Только кто? Кто рассчитывать будет, не понимаю?

Игорь рассеянно улыбнулся. «Чего тут трудного-то? - подумал. - Знай лишь отсчитывай деньги. Да следи, чтобы каждый за них расписался». Он оделся. Белея новой, купленной в магазине рубахой, сам взволнованно-бледный, с доверчивыми глазами, выглядел он непривычно и юно, как мальчик, кому поручили серьезное дело, к которому он подготовиться не успел.

- Автобус когда идет? - спросил он у Бутакова.

- Минут через двадцать.

Игорь взглянул на черную папку.

- Оставляйте ее. Рассчитаю.

Бутаков моментально повеселел. Положив папку на стол, раскрыл ее, показал сначала на форменный лист:

- Это ведомость!

Потом - на конверт:

- Это деньги! Пересчитывать будешь?

- Сергей Александрович?! - Интонацией голоса Игорь дал Бутакову понять, что тот его обижает.

Бутаков стиснул Игорю руку. Через минуту он уже шел с рюкзаком к автобусной остановке.

Витушкин остался один. Он даже слегка растерялся от изобилия разных соблазнов, с какими хотел провести этот день. Сперва - на реку. Позагорать, а, быть может, и покупаться. Однако могли подойти лесорубы. Игорю сделалось скучно. Сходив в столовую, он возвратился к стандартному дому.

Жара была нестерпимой. На небе ни облачка. Даже птицы попрятались в ветках деревьев. За огородом томился лиственный лес. В той стороне находился у Игоря дом. В доме - мать. С каким нетерпением ждет она возвращения сына. Игорь закрыл на минуту глаза и увидел ее озабоченно-тонкое с паутинкой морщинок около губ молодое лицо. «Порадуйся, мама! - сказал - Завтра вечером буду дома!»

Домой он придет с коробкой французских духов. Игорь достал из кармана деньги - остаток от полевых. Сосчитал. Целых сорок рублей.

Все-таки солнце сморило, и Игорь ушел в прохладу стандартного дома, четыре квартиры которого были пусты. Лишь в одной из них, кроме кровати, стояли тумбочка,

табуретка и стол с лежавшей на нем кокемитовой папкой, которую Игорь подвинул к себе и раскрыл, как только услышал в сенях шаги.

Первыми за деньгами явились Геня и Веня. Взглянули на ведомость - и испуганно улыбнулись.

- Чего так мало-то? Нам мужики сказали, что обещано по десятке, а у нас по пятерке и той не выходит. Может, чего тут не то?

Витушкин к такому вопросу был не готов. Однако взял себя в руки.

- То! - ответил и объяснил. - Работали вы на рейках, на самой легкой работе. Соответственно и оплата.

Недоволен остался и пожилой Васильков. Расписываясь за деньги, он горько и холодно усмехнулся:

- Уговор - не спор, а святое дело. У вас же, как в поговорке: на словах море переплывете, а на деле - ни через лужу. Обманывать, мальчик, нехорошо.

Игорь вскочил с табуретки. Казалось, его поймали за чем-то неправильно-нехорошим.

- Дядя Вася? - Он сделал несколько быстрых шагов, пытаясь остановить лесоруба. Но тот дал знать, что он оскорблен и разговаривать с Игорем не намерен.

Мужики приходили один за другим. Получали деньги и каждый смотрел на Витушкина так, точно был он в сговоре с Бутаковым.

Последним царапнул свою фамилию Лаптев. Возвращая Игорю ведомость, построжал сухощавым лицом.

- Гори мои денежки, где начальничек-то у вас?

- Уехал по телеграмме, - ответил Игорь.

- Ого-о! А когда ее принесли?

- Сегодня утром.

- Во сколько?

- Семи еще не было.

- А почту у нас открывают с восьми. Так что не было телеграммы.

Игорь смотрел на дверь, за которую вышел рабочий, непонимающими глазами. Потом лицо его исказилось, выражая не только смятение и протест, но и нужду объяснить: почему же Сергей Александрович так непорядочно с ним обошелся?

Был вечер. В окно врвался запах подкошенной лебеды. Витушкин вышел из-за стола. Вспомнил, что не обедал. Хотел уже было податься к столовой, как вновь услышал шаги.

Вошел Подосенов. Витушкин был тоже высокого роста. Однако глаза лесоруба глядели на Игоря сверху, как на подростка, кому еще предстояло расти.

- Не опоздал? - спросил Подосенов.

- К чему?- не понял Витушкин.

- Чуял, что бабки даете! Так я за ними! Дополучить! Как обещано было. Или не помнишь?

Помнил Игорь, что Бутаков еще месяц назад, выдавая аванс мужику, обещал остальные деньги начислить позднее. Однако его фамилии в списке Игорь не видел. И тем не менее снова внимательно посмотрел, читая ведомость пофамильно.

- Нету, - сказал, ощущая себя в положении служащего конторы, который был вынужден отказать.

Подосенов презрительно закурил. Лицо его чуть побледнело.

Понял Витушкин, что Подосенов сейчас уйдет, унеся в душе раздражение человека, потерявшего веру в житейскую справедливость.

- погоди! - задержал его Игорь. - Я сейчас! Наверное, он занес тебя в специальную ведомость! Ты сколько работал у нас?

- Восемь дён.

- Значит, за нами сорок рублей! Сейчас я узнаю! Не уходи!
Вернулся Витушкин минут через пять.

- Так и знал! - В руке его трепетала ведомость, заполненная единственной строчкой, где против фамилии Подосенов была обозначена сумма - 40.

Подосенов взял ручку, понаклонился над ведомостью, но расписываться не стал. Не только глаза, но и темные впадины под глазами глядели на Игоря требующе и хмуро, как бы спрашивая его: не подстроил ли это он для него специально?

- Расписывайся! - рассмеялся Витушкин. - Всё, как положено!
- И, отсчитав, протянул Подосену восемь пятирублевок.

На эти деньги Игорь хотел купить коробку французских духов. Ни разу не делал для матери он подарков. Думал, что это один из первых. «Порадуйся, мама!».

У Игоря оставалось сорок копеек. Что можно было на них? Даже билет на автобус и то не купишь. Игорь вздохнул. Поручение Бутакова он выполнил до конца. Прошелся по комнате. Посмотрел на унылые стены и понял, что ночевать ему будет невмоготу. И подумал: зачем ночевать, если рядом, в минуте ходьбы, есть бетонная автотрасса, по которой круглые сутки грохочут грузовики. Денег нет. Так он сядет и так. И под утро приедет домой. Завтра же будет и в институте, где обязательно встретится с Бутаковым.

В тусклом свете окна белели два форменных документа. Один из них Игорь положил в черную папку, а папку засунул в рюкзак. Второй - разорвал на маленькие кусочки и выбросил за окно.

Подходя к автобусной остановке, Игорь рассеянно оглянулся. Силуэты барачков, заборы, кустарники в огородах, убегавшая в ночь белесая лента дороги, окружье лесов и мерцавшее звездами небо - все это он забирал с собой, унося в напряженной душе,

как тревожную память о нынешнем лете.

Игорь сошел с бетонки, как только увидел летевшие на него из зеленого мрака два золотистых луча. Он поднял руку. Грузовик, проскрипев тормозами, резко остановился.